

Ложь и искренность в аналитических отношениях

Обращаясь за помощью к психоаналитику люди приходят с надеждой и искренним желанием перемен. Что же происходит в кабинете психоаналитика? Всегда ли сохраняется искренность между аналитиком и пациентом? Что вынуждает пациента лгать аналитику и как аналитик справляется с ложью пациента? Как аналитику удастся или не удастся сохранять искренность, когда пациенты прибегают к перверсивным защитным организациям?

За ложью в обыденной жизни нередко стоит сознательное желание уберечь и защитить другого от боли столкновения с реальностью, как будто бы другой не способен справиться с истиной, пережить соприкосновение с правдой без разрушительных последствий. Нередко ложь обосновывается заботой о другом, но по сути является атакой на другого и делает другого неспособным видеть реальность. Психологическая слепота, глухота и безмолвие передаются из поколения в поколение, а вместе с ними ощущение беспомощности и неумения справляться с реальностью, внешней и внутренней. Ложь и сокрытие правды являются частыми гостями в семьях с межпоколенческими травмами. В некоторых ситуациях ложь кажется единственно возможным решением.

В аналитической работе мы нередко сталкиваемся с различными способами пациентов избежать соприкосновения с болезненными переживаниями внутренней реальности. Пациенты используют различный набор защит и защитных образований. Ложь и ее многочисленные проявления являются одной из таких защит.

История одного случая.

(конфиденциальный материал)

Ложь в анализе. Теоретические идеи.

Аналитические отношения – это отношения, в которых коммуникация пациента с аналитиком подчиняется бессознательному разыгрыванию отношений с внутренними объектами пациента. Пациент, находясь в положении на кушетке, не видит аналитика, можно сказать, что он смотрит на аналитика с закрытыми глазами и открывает внутренний взгляд на то, что происходит в его мире. Пациент закрывает глаза на аналитика или, точнее, видит его вполглаза или же, особенно в начале терапии, через розовые очки. С одной стороны, анализ строится на поиске истины и предполагает искренность пациента благодаря правилу свободных ассоциаций – пациент говорит все, что ему приходит в голову без цензуры. С другой стороны, положение за аналитиком, частые встречи и строгий аналитический сеттинг в целом способствуют развитию переноса, что означает неизбежное искажение восприятия аналитика. Такое искажение восприятия – перенос – помогает аналитику соприкоснуться с внутренним миром пациента, через контрперенос принимая на себя роль проецируемого объекта, части или функции объекта, а также проецируемой самости или частей самости пациента. Контрпереносные переживания нередко служат для аналитика более важным источником информации о пациенте, чем его вербальные высказывания. Сосредотачиваясь лишь на вербальных высказываниях, мы теряем контакт с внутренним миром пациента. Наше видение пациента становится поверхностным и однобоким. Контакт с контрпереносными переживаниями наполняет понимание пациента новым смыслом и благодаря преобразованию в интерпретацию возвращает внутреннему миру пациента многогранность и глубину.

Ложь пациента в анализе, ее вербальное проявление, служит отводом глаз от истиной самости пациента, позволяя ему исчезнуть из-под пристального взгляда аналитика и предстать на терапии в другом облике с целью контролировать аналитический процесс. Вербализованную ложь можно понимать в свете более зрелой патологии как отражение развития контроля над внутренним миром, осознанием внутренней реальности и следствием сепарированности от матери и эдипальных родителей. Но О'Шонесси обращает внимание на примитивную природу лжецов, первичные объекты которых были лживыми, и видит ложь в анализе как средство сообщения фундаментальной истины о ранних объектных отношениях (О'Шонесси). Парадоксальность

аналитических отношений со лжецом заключается в том, что они являются искренними, когда проигрываются лживые ранние отношения пациента с его первичным объектом.

О'Шонесси описывает реконструкцию взаимодействия младенца и матери через понимание разыгрывания переносных-контрпереносных отношений в анализе закоренелых лжецов. Она описывает «триаду лжеца» - нарушенный первичный объект и масштабная проективная идентификация с ним; сила врожденной деструктивности и ее идеализация; а также наложение общей перверсивности, подчиняющее объектные отношения садо-мазохистической природе и способствующих сексуализации ложных и лгущих отношений.

Каждый младенец, как об этом писал Блон, развивая идеи М. Кляйн, рождается с преконцепцией о существовании хорошего объекта, что можно наблюдать на конкретном уровне как врожденное влечение уст младенца к соску и груди матери, и на символическом уровне - как ожидание, что объект сумеет позаботиться о физическом и психическом выживании младенца. Для установления внутреннего хорошего объекта необходима реализация этой преконцепции. Преследуемая внутренними тревогами, в частности, страхом аннигиляции, рудиментарная психика мобилизует первичные защиты, отщепляя и проецируя неперевариваемые части себя в объект в ожидании, что объект сможет «переварить» эти невыносимые состояния самости и вернуть части самости младенцу в переваренном виде. Так младенец получает знание, что движения его души принимаются матерью, и несмотря на то, что он переживал их как невыносимые, их можно выносить или, как пишет Блон, контейнировать. Благодаря интроекции материнской способности к контейнированию возвращенные части самости становятся строительными блоками для развития внутреннего мира младенца. Но в случае, когда ожидания на коммуникацию с хорошим объектом не оправдываются, младенец может усомниться в том, что объект является истинной реализацией его врожденной преконцепции. Так с раннего возраста может произойти подмена хорошего объекта на ложный, который представляет себя как хороший заботящийся объект, но по сути таковым не является. Вместо хорошего объекта младенец интроецирует лживый объект с ложной самостью. Нормальное расщепление на хорошее и плохое, необходимое младенцу для его психического развития, подменяется расщеплением между подозрительным и плохими объектами (О'Шонесси). В основе защитного образования лгущих пациентов лежит механизм массивной проективной идентификации со лживым объектом.

Эту идею также развивает Ирма Бренман-Пик, описывающая пациентов, проявляющих в анализе видимость заботы о другом. Не отрицая реальности такой заботы, Бренман-Пик сосредотачивается на идентификации таких пациентов с ложной самостью их объектов. В переносно-контрпереносной динамике она видит аналитические отношения как взаимодействие ложной самости пациента с ложной самостью аналитика.

Другой аспект, который отмечает О'Шонесси, это нарциссическая идеализация собственной соблазнительной деструктивности, которая проявляется как нарциссическая патологическая организация, описываемая Розенфельдом. В примерах своих пациентов О'Шонесси пришла к заключению, что идеализация всемогущей деструктивности была также путанной попыткой пациентов выразить свою любовь к первичным лживым объектам, идеализируя их вредоносность.

Третий аспект, который выделяет О'Шонесси у заядлых лжецов, это перверсивное удовлетворение и возбуждение от собственной лжи. Она описывает использование лжи для эротизации объектных отношений, которые во всемогущественной бессознательной фантазии пациента принимают форму садо-мазохистического партнерства. С одной стороны лгущий пациент возвышается над аналитиком, становясь недостижимым для переживания тревог и чувств вины и стыда. С другой стороны, идентифицируясь со страданиями аналитика, пациент принимает позицию подчинения, ожидая со стороны аналитика садистические наказания за свою лживость и подозрительность и таким образом предаваясь мазохистическим удовольствиям.

Лемма предлагает различать два вида доминирующей мотивации лжецов, на основании которых она говорит о садистической и самосохранительной лжи.

В случае самосохранительной лжи ведущей мотивацией является защита самости от угрожающего объекта. В одном случае самосохранительная ложь является попыткой коммуникации с объектом, который переживается как эмоционально недоступный или непознаваемый. Ложь это попытка создать впечатляющую версию себя, вызывающую

пожизненную любовь и восхищение у объекта. В анализе разыгрывается драма, может ли объект принять и полюбить его истинную самость. Эта ложь как «частички вымысла» (Лемма, 2005) служит интеграции самости и восстановлению самооценки. Такая ложь служит для подмены истинной самости, недстойной любви, на ложную, выдуманную версию самости, гарантирующую любовь объекта. Во втором подвиде самосохранительной лжи ложь используется как попытка распутать спутанность самости и объекта и создать границы между самостью и доминирующим всевидящим, всезнающим, вторгающимся и контролирующим объектом. Эта ложь служит для защиты внутреннего пространства от опасного объекта.

Ложь закоренелых лжецов, как их описывает О'Шонесси, Алессандра Лемма обозначает как садистическую ложь. При садистической лжи, пишет Лемма, доминирующей мотивацией является чувство триумфа над объектом, переживание удовольствия от контроля и унижения обманутого объекта. Такой тип лжи классифицируется как вид перверсии. Садистическая ложь отличается от других сознательным намерением обмануть и унижить объект. Момент раскрытия обмана это момент особого острого переживания триумфа. Являясь автором лжи пациент переживает ощущение собственной значимости и контроля и с возбуждением наблюдает, как другие втягиваются в разыгрывание придуманной им пьесы.

Лемма делает ударение на эдипальной природе садистической лжи, которая берет начало в переживаниях ребенком чувств малости и униженности в связи с открытием, что мать не принадлежит ему целиком. В силу разных причин эта реальность оказывается невыносимой и становится невозможным оплакивание утраты объекта. При развитии эдипальной ситуации ребенок чувствует, что родительская пара грубо отвергает и унижает его. Он чувствует себя жертвой обмана родительской пары. Ложь таких пациентов становится выражением возмущения и обиды на эдипальную родительскую пару за их ложь. Такие пациенты чувствуют потребность помещать объект в унижительное положение неведения, когда аналитик становится слепым к происходящему, но в тоже время его мучают подозрения, что происходит нечто тайное и волнующее, от чего он отлучен и смысла чего не понимает.

Подобную эдипальную констелляцию как основу использования лжи в жизни и анализе описывает Хелен Дойтч. Она приводит случай анализа мальчика, мать которого поддерживала его эдипальную иллюзию выдуманными историями, в частности о смерти отца. Эта ложь совпадала с эдипальными желаниями мальчика избавиться от отца и занять его место рядом с матерью. Даже очевидное известие о том, что отец жив, отрицалось. Ложь матери мальчик переживал как осуществление его эдипальной фантазии. Это способствовало развитию иллюзии всемогущества его фантазий и дальше развитие его лживости подчинялось идеи, что все его выдумки могут однажды стать реальностью. Принятие реальности означало бы болезненное переживание чувств вины и расставание с иллюзией всемогущества. Ложь выступала способом избежать столкновения как с внешней, так и с внутренней реальностью.

Эдипальная ситуация вызывает в ребенке сильные эмоциональные переживания - исключенности, ревности, стыда, унижения из-за ощущения собственной малости по сравнению с отцом, зависти к его способности удовлетворять мать, вины из-за инцестуозных желаний к матери и агрессивных желаний по отношению к отцу, страха наказания за фантазии и желания. В силу внутренних причин ребенок оказывается неспособным контейнировать свои сложные переживания и не находит отклика со стороны родителей, которые смогли бы его поддержать и помочь ему справиться с захватывающими его эмоциями. Осложнение наступает, когда мать поддерживает иллюзию всемогущества и потентности в ребенке, как будто любимый ребенок на самом деле может заменить матери партнера. Она наделяет его лучшими качествами, которых лишен ее супруг, возвышая сына как своего любимчика и одновременно обесценивая и презирая супруга. Происходит инверсия шкалы ценностей, когда догенитальная инфантильная сексуальность ставится выше взрослой генитальной сексуальности и агрессия преобразовывается в садо-мазохистические отношения. Такая эдипальная конфигурация, по мнению Сажге-Смиржель, служит основой для развития перверсивных отношений, подчиненных садо-мазохистической природе.

Огден описывает определенную форму перверсии, проявляющуюся как ложь в аналитических отношениях. Эта перверсия возникает из бессознательной фантазии о пустой, безжизненной первичной сцене, основанной на завистливых атаках на сексуальные отношения

родителей и реальных переживаниях пустоты связи между родителями. Такие пациенты не способны принять созидательность и жизнеспособность родительской пары. Продуктивная креативная любящая половая связь между родителями воспринимается как ложь, как обман. Идентифицируясь с безжизненностью эдипальной пары, такие пациенты ощущают безжизненными себя и свой внутренний мир. Ложь таких пациентов в анализе это попытка переписать свою историю, наполнить жизнью собственную мертвость, наполняя анализ драмой и эротизацией. Возбуждение, порождаемое эротизацией, нередко включающей элементы опасности, используется как подмена, заместитель ощущения собственной жизненности. Эротический заместитель бессознательно переживается как ложь и другие люди компульсивно включаются в разыгрывание этой сексуализированной лжи. Они пытаются извлечь жизнь из смерти, правду из лжи или используют ложь как заменитель истины и жизни. В анализе таких пациентов фокус аналитического лечения смещается с расшифровки и интерпретирования фантазий, тревог и бессознательных защит, отыгрываний, предствленных перверсной сексуальной активностью, на понимание и интерпретации феномена переноса и понимании контрпереносных переживаний аналитика (Огден). По мнению Огдена, ложь и распознавание ложности в контексте переносно-контрпереносных аналитических отношений оказывается единственной точкой отсчета истины. Только благодаря этому распознаванию пациент, возможно, первый раз в своей жизни может почувствовать себя включенным в процесс, который переживается как живой и настоящий. И тогда пациент переписывает свою историю на ново, прорабатывая прошлое в контексте проработки переносно-контрпереносных отношений.

Несмотря на то, что во время психотерапевтической работы ложь может проявляться несчетным количеством разных способов, все же ее единственным мотивом является защита (Маркос). Можно говорить о лжи как о проявлении патологической организации (Стайнер), помогающей избежать соприкосновения с реальностью болезненных переживаний и нефункционирующих отношений с другими. Ложь является проявлением перверсивной логики пациентов, в которой стираются границы между фантазией и реальностью, между объектом и самостью, между ложным и истинным, которые одновременно существуют и не существуют. Аналитик втягивается в разыгрывание таких объектных отношений, оказываясь слепым к происходящему и принимая искажение реальности за истинное, оказываясь в ситуации одновременного знания и незнания, как бы закрывая глаза, как об этом пишет Стайнер.

Пациент, намеренно лгущий в анализе и разыгрывающий перверсивные объектные отношения со лгущим объектом, также знает о том, что могут существовать правдивые искренние объектные отношения. Анализ враждебной лжи, перверсивного возбуждения от использования лжи для коммуникации, а также фундаментальное понимание того, что лжец лжет в идентификации со лгущим первичным объектом, ведут к более глубокому аналитическому пониманию. Переживание аналитического понимания на том уровне, который ранее был недоступен для пациента, способствует ослаблению тревог и снижает использование лжи как базовой защиты (О'Шонесси).

Заключение. Искренность в аналитических отношениях.

В нашей аналитической работе практически невозможно избежать «профессионального лицемерия» (Ференци, 1949) – наше искреннее желание и профессиональная обязанность помочь пациенту перекрещивается с нашими личными, нередко негативными эмоциональными откликами на того или другого пациента. Аналитическая работа подразумевает необходимость отслеживать в себе эти отклики, рефлексировать и по возможности использовать для понимания пациента и его проекций, различая их от собственных проблемных переживаний.

Искусством для аналитика оказывается задача поддерживать баланс, когда, с одной стороны, психотерапевт является сензитивным и восприимчивым объектом для пациента, принимая в себя его проекции и проективные идентификации, а с другой стороны, сохраняет свою профессиональную идентичность – способность осмыслять опыт аналитических объектных отношений и передавать этот смысл пациенту.

Втягиваясь в бессознательное разыгрывание под сильным давлением со стороны пациента, психотерапевт может терять свою аналитическую способность. Он оказывается в бессознательной ловушке, существенно сужающей или полностью нивелирующей пространство для аналитической

мысли. Либо в силу собственных личностных ограничений и бессознательному сопротивлению оказывается закрытым для проекций пациента. Таким образом перекрывается важный канал бессознательной эмоциональной передачи между пациентом и аналитиком. Аналитик оказывается отрезанным от важного источника понимания того, что происходит во внутреннем мире пациента. И в первом и в другом случае психотерапевтическая работа продолжается. Психотерапевт продолжает свою аналитическую активность, но она не ведет к психическим преобразованиям в пациенте, а лишь сохраняет статус кво.

Искренность является ключевым моментом для аналитической работы. Она связана со способностью принимать реальность такой, какая она есть, без приукрашек и лжи, с широко открытыми глазами. Насколько аналитик способен искренне взглянуть на ситуацию и понять собственные трудности при продвижении аналитической работы? Насколько аналитик способен распознать и проработать свои контрпереносные отклики, чтобы использовать свое понимание для понимания внутреннего мира пациента?

Заклячая договор о психотерапевтической работе, мы предполагаем, что пациент вступает в терапевтический альянс с искренним намерением измениться. Правило свободных ассоциаций подразумевает, что пациент будет искренне говорить все, что ему приходит в голову, не сдерживая себя цензурой. Но законы бессознательного оказываются сильнее аналитических правил. Бессознательное желание удержать без изменений установившееся психическое равновесие берет верх над сознательным желанием измениться. Несмотря на сознательные попытки быть хорошими аналитическими пациентами сотрудничество пациентов и рабочий альянс могут быть ложными. Пациент может приносить интересные сны, передавать их в подробностях, рассказывать свои ассоциации, но даже соблюдение или точнее псевдо-соблюдение правил свободных ассоциаций может оказаться нападением на аналитические способности, когда в анализе создается ситуация, в которой пациент оказывается неспособным думать аналитически под воздействием проективной идентификации. Например, пациент может заполнять пространство словами, избегая каких-либо пауз, и таким образом контролировать аналитика. Или же пациент может создавать видимость сотрудничества с аналитиком – он будет рассказывать аналитику свои сны и ассоциации и затем выстраивать стройную картину взаимосвязи своих ассоциаций с детскими переживаниями. Но при этом исключать аналитика из процесса. Искренний контакт аналитика со своими контрпереносными откликами может помочь лучше разобраться в динамике происходящего. Переживания исключенности, ненужности, раздражения, скуки и иногда отвращения могут сообщать о эдипальных переживаниях пациента исключенности из родительской пары. В представленном примере можно сказать, что контрпереносные переживания – смятение, недоумение, ощущение незащищенности, а также спутанность внешней и внутренней реальности и невозможность ясно понимать происходящее, – это болезненные переживания пациента, контакта с которыми он избегал. Столкновение с ложью в аналитических отношениях было для меня особенно сложным испытанием. Это было ключевым моментом осознания, насколько различными были наши мировоззрения. Мне импонировали желание пациента разобраться в себе и других, его способность к саморефлексии и желание репарации. Постепенно стало больше проявляться его страдание от внутренней спутанности. У меня складывалось впечатление хорошего сотрудничества и постепенного продвижения в аналитической работе. Раскрытие лжи вызвало во мне унижающее ощущение непонимания происходящего, как будто все, что происходило в анализе до этого момента, было ложным. Похоже, интенсивность этих чувств отражала интенсивность детских переживаний пациента. Нам потребовалось время, чтобы разобраться в том, что было и есть ложным и лживым, а что было и есть подлинным, правдивым и искренним. Я полагаю, что искренность аналитика по отношению к своим переживаниям и искренность по отношению к пациенту, являются ключевыми в аналитическом процессе, особенно, когда в работе происходит соприкосновение с ложной самостью пациента и, возможно, ложной самостью аналитика в контрпереносе, а также при развитии аналитических отношений, в которой одной из защит пациента выступает ложь.

Литература.

- Bion, W.R. (1962). Learning from Experience. London: Tavistock.
Bion, W.R. (1963). Elements of Psycho-Analysis. London: Heinemann.

- Brenman Pick I. (1995) Concern: Spurious Or Real. *International Journal of Psycho-Analysis*, 76:257-270.
- Britton (1989) The Missing Link: Parental Sexuality in the Oedipus Complex. *The Oedipus Complex Today - Clinical Implications*.
- Britton, R. (2014) Development of the concept of the Oedipus situation. Paper presented at the annual
- Deutsch, H. 1922 On the pathological lie (pseudologia phantastica) *J. Amer. Acad. Psychoanal.* 10:396-386
1982
- Ferenczi, S. (1949). Confusion of the Tongues Between the Adults and the Child—(The Language of Tenderness and of Passion. *Int. J. Psycho-Anal.*, 30:225-230
- Freud, S. (1913). Two Lies Told by Children. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XII (1911-1913): The Case of Schreber, Papers on Technique and Other Works*, 303-310
- Klein, M. (1946). Notes on Some Schizoid Mechanisms¹. *Int. J. Psycho-Anal.*, 27:99-110.
- Lemma, A. (2005). The many faces of lying. *Int. J. Psychoanal.*, 86: 737-753.
- Marcos, L.R. (1972). Lying: A Particular Defense Met in Psychoanalytic Therapy. *Am. J. Psychoanal.*, 32:195-202
- Ogden, T. (1996). The perverse subject of analysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 44: 1121-46.
- O'Shaughnessy, E. (1990). Can a liar be psychoanalysed? *Int. J. Psycho-Anal.*, 71:187-195
- Rosenfeld, H. (1971). A Clinical Approach to the Psychoanalytic Theory of the Life and Death Instincts: An Investigation Into the Aggressive Aspects of Narcissism. *Int. J. Psycho-Anal.*, 52:169-178
- Chasseguet-Smirgel, J. (1991). Sadomasochism in the Perversions: Some Thoughts on the Destruction of Reality. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 39:399-415
- Steiner, J. (1993). *Psychic Retreats*. Routledge. London.
- Steiner, J. (1990). The Retreat from Truth to Omnipotence in Sophocles' Oedipus at Colonus. *Int. Rev. Psycho-Anal.*, 17:227-237
- Steiner, J. (1985). Turning a Blind Eye: The Cover up for Oedipus. *Int. Rev. Psycho-Anal.*, 12:161-172.